

*Общие вопросы методологии и методики
социологических исследований*

Стратегия и методы качественного анализа данных

В.А.Ядов

(Москва)

Главная причина разочарования в традиционных жестких методах социологического исследования — неудовлетворенность фрагментарностью и «заданностью» объяснительных посылок. Качественные методы позволяют глубже понять изучаемое явление и предложить множественную интерпретацию. Рассматривается порядок действий при использовании качественного анализа данных.

Ключевые слова: количественный анализ, качественный анализ, гибкие методы, жесткие методы, стратегия социологического исследования, интерпретация данных.

Начиная с основателя эмпирической социологии О. Конта применение количественного подхода (квантификация) становится чуть ли не синонимом научности и уж во всяком случае доказательством объективности эмпирического базиса социаль-

ного знания. Мощный толчок развитию этого подхода был дан П.Лазарсфельдом [1]. К середине 60-х годов его распространение в западной социологии достигло апогея. По некоторым подсчетам, до 90% публикаций в ведущих социологических журналах опиралось именно на использование количественных методов анализа [2, с.IX].

Почему, собственно, качественные методы?

Однако сегодня ситуация меняется. Потеряв безусловное господство «на всем поле» социологических исследований, количественный подход сохраняет несомненное первенство в опросах общественного мнения, но испытывает сильное давление со стороны гибких, качественных методов анализа в различных областях академической социологии¹. Хотя введение таких методов (кейс-стади, включенное наблюдение) создали мировую славу чикагской школе, именно в США традиция активного использования квантификации остается преобладающей, тогда как в Европе (особенно во Франции и во многом в Германии) ее позиции сильно подорваны сторонниками гибкого, качественного подхода [3].

Если говорить о его сути, то она состоит в том, что социолог заранее не разрабатывает жесткую схему гипотетических суждений и не старается обеспечить статистическую представительность данных. Вместо этого он стремится к более глубокому пониманию и объяснению социальных явлений прежде всего на уровне здравого смысла, и далее — в рамках социологической теории.

Примерами качественных методов являются: включенное наблюдение; глубокое интервью относительно жизненного пути респондента; групповые дискуссии (метод «фокус-группы»); прямое наблюдение действий, высказываний, жестикуляции и иных форм межличностной коммуникации с расшифров-

¹В мировой литературе утвердилось понятие «качественные методы исследования», которые иногда называют «мягкими» в отличие от «количественных» и «жестких». В определенном смысле можно говорить также о неформализованных или слабо формализованных подходах в сравнении с жестко формализованными. В данной статье мы употребляем эти два ряда понятий (качественные — количественные, гибкие — жесткие, слабо формализованные — жестко формализованные) как синонимическую оппозицию.

кой их личностного и группового смысла; исследование отдельных событий, например, забастовок («кейс-стади»).

В чем видятся недостатки количественных и преимуществ качественных методов в социологии [2, 4, 5].

Первые были подвергнуты критике прежде всего из методологических соображений. Социологи разочаровались в способности макротеорий должным образом объяснить и понять «человеческую сущность» социальных явлений и процессов. Классическая социология исходит из концепции общества как системно-организованной целостности. Жизнь индивидов — это проявления не зависящих от них общесоциальных законов. Индивид в классической социологии, включая марксистскую, — это представитель социального типа. Переход к пониманию личностного смысла его деятельности в категориях этой науки практически невозможен. Для этого надо обращаться к понятиям психологии, социальной психологии или вообще отказаться от научного языка, используя обыденные представления о человеческом поведении.

Можно также попытаться выстроить особую теорию, ломающую границы устоявшихся областей знания об обществе с тем, чтобы создать целостное представление о социальной реальности с позиций активно чувствующего и действующего индивида, включенного во множество социальных связей. Такую попытку предпринимает, например, П.Бурдьё. Он вводит понятия «хабитус», которые определяются как система протяженных во времени и всеохватывающих личностных диспозиций (схемы восприятия, оценки и действия), формирующихся благодаря включению в определенные социальные контексты (обстоятельства) и выполняющих функции принципов генерации и структурирования определенной практической деятельности и представлений о реальности [6, 7].

Далее, если мы хотим понять человека, его внешний и внутренний мир, надо приблизиться к адекватному пониманию смыслов, которые человек вкладывает в различные суждения и действия. Рационализация представлений о его поведении возможна всегда с точки зрения определенной теории, в рамках которой эти действия объяснимы. Кроме того, поступки человека не всегда рациональны и в том смысле, что не адекватно осознаются им самим. Чтобы уяснить их глубинный смысл, надо приложить немало усилий для расшифровки внешне наблюдаемых действий и высказываний. Для этого прибегают к исполь-

зованию именно качественных методов — гибких, заранее не программируемых способов ведения интервью, наблюдения, участия в событиях, стараются добиться сопереживания с другими действующими лицами реальных событий.

Например, Дж.Робинсон в моем присутствии провел опрос студентов факультета социологии МГУ по формализованной анкете «Как советские и американские молодые люди видят друг друга?» (Москва, 1990 г.). Надо было в пятибалльных шкалах дать оценку наиболее острым проблемам нашей жизни. Вышим баллом многие студенты отметили нехватку товаров массового спроса. После опроса Робинсон устроил групповую дискуссию, выясняя причину такой оценки. В ходе обсуждения тема товарного дефицита резко сместилась в сторону проблемы человеческих взаимоотношений. Указывалось, что одна из причин обострения социальной напряженности — недостаток материальных благ. Люди становятся агрессивными, недоброжелательными, злыми, вступают в противоборствующие социальные движения и партии, возникает межнациональная неприязнь и т.д. Интервьюер не стал возвращать аудиторию к заданной теме («нехватка товаров»), но повел дискуссию в новом направлении и в итоге пришел к лучшему пониманию, почему, по каким мотивам были получены такие-то статистические распределения в формализованной анкете. Интерпретация пункта о товарном дефиците стала более полной, выводит на серьезные размышления о человеческих взаимоотношениях.

И, наконец, количественные и формализованные методы хороши для проверки уже сформулированных гипотез или для оценки различных вариантов практических действий и программ. Если же мы хотим выявить социальную проблему, сформулировать ее, то такие методы мало эффективны.

В самом деле, если мы ставим задачу определить, какие группы населения будут голосовать за того или иного кандидата или программу, надо использовать обычный опрос по представительной выборке избирателей. Но если мы намерены уяснить состояние общественно-политического сознания наших граждан в ситуации социальной нестабильности, коренной ломки стереотипов мышления, установок и образцов поведения, то формализованный опрос может оказаться малопригодным инструментом. Ключевые понятия перестройки — «рыночные отношения», «демократия», «гласность», «партия», «социальное движение» и другие — понимаются по-разному. Расшифровка отве-

тов на соответствующие вопросы будет сомнительной. Одни, например, подразумевают под рынком восточный базар, другие — систему взаимовыгодных долгосрочных контрактов, третьи вообще ассоциируют «рынок» с капитализмом и придают этому термину идеологический смысл.

Гибкие интервью, участие в дискуссиях, наблюдение за дебатами специалистов в сочетании с массовым опросом дадут более полную информацию для понимания проблемы.

В приведенных выше примерах классические жесткие методы опроса сопрягаются с гибкими, нежесткими. Однако нередки случаи, когда исследователь ограничивается использованием исключительно гибких методов. Вместо статистически представительной выборки он использует целевые статистически непредставительные и к тому же малочисленные подвыборки «полярных» или просто разнокачественных объектов. Например, в групповых дискуссиях участвуют раздельно работники наемного труда и предприниматели, которых социолог провоцирует на обсуждение проблем трудовых взаимоотношений. Главная цель дискуссий — выявить зоны совпадения позиций и решений возникающих конфликтов, зоны несовпадений и принципиальных разногласий. Задача статистической оценки достоверности выводов здесь не ставится, так как предполагается, что и единичные случаи консенсуса или противоборства интересов имеют равную познавательную ценность. Они указывают на принципиальную возможность развития трудовых отношений в том или ином направлении, что практически будет зависеть от множества обстоятельств, и позволяют после дополнительных исследований построить сценарии протекания трудовых конфликтов. В свою очередь такие сценарии могут разрабатываться в жесткой модели оценки вероятностей их динамики и в нежестких, качественных описаниях ситуаций возникновения напряжения, возможных фаз его угасания или обострения в конфликт и последующих качественных состояний без привлечения количественных оценок вероятности развития процесса в определенном направлении.

Конечно, любое качественное описание так или иначе формализовано, по крайней мере предлагается в однозначных категориях (формах мышления). Но это не та формализация, за которой следует исчисление частоты событий, описанных в этих категориях. Здесь мы имеем дело не более, чем с обычной

логикой анализа явления в четко определяемых понятиях, что и делает этот анализ научным.

Последовательность действий и образцы стратегий качественного анализа

В современной социологии науки возникло направление, которое стало именоваться этнометодологическим. Его сторонники принципиально отказываются от классических приемов формализации научного знания и стремятся к уяснению многозначных нюансов научных коммуникаций. Эти нюансы не получают отражения в итоговых продуктах исследовательской деятельности, но тем не менее важны для ее понимания. Этнометодологи [8] показывают, что ученые, воспитанные на классических образцах науки, самообольщаются относительно внутренней логики своих исследовательских действий. Им кажется, что, они придерживаются определенной теории, формулируют и последовательно проверяют гипотезы, отбрасывая противоречащие экспериментальным данным. В действительности же они часто натываются на необъяснимое явление, пробуют повторить эксперимент или наблюдение, бывает, что обнаруживают артефакт (неисправность прибора, например), начинают заново, пользуются случайными догадками и только потом осмысливают итоги исследования в логически стройной теории. Однако, излагая их в публикации, они реконструируют весь процесс в строгой логической последовательности: от теоретических посылок до анализа экспериментальных данных, причем вовсе не упоминают о множестве ложных ходов, ошибок, случайных догадках, разочарованиях и прочем. К.Маркс называл этот феномен процесса познания несовпадением исторического и логического. Реальное развитие знания существенно отличается от его логической реконструкции.

Последовательность действий социолога при качественном анализе приближается к логике «исторического» процесса развития знания: от живого созерцания к абстрактному мышлению. Конечно, здесь должно работать научное (социологическое) воображение, здравый смысл призван подвергать сомнению возникающие гипотезы. В живом созерцании как начальном моменте познания уже содержится установка, сформированная прежним знанием и опытом. Чтобы это созерцание бы-

ло действительно живым, непредвзятым, социолог должен постоянно критически анализировать ход собственных рассуждений: а может быть, это не так? может, есть другие причины и объяснения? скорее всего, должны быть другие причины и объяснения; наверняка, есть другие объяснения; но и прежние объяснения не лишены здравого смысла, вписываются в такую-то теорию (где-то я читал; где же я это читал? надо проверить); наверное, эта теория не все охватывает, что-то упускает; проверим другое объяснение... И так далее [9].

Исследование с помощью качественных методов имеет отправным пунктом то же состояние, что и при жестких методах: проблемную ситуацию. В классическом варианте она проясняется путем знакомства с литературой, пробных зондажей и другими способами действий по формулятивному плану. При использовании «качественной стратегии», как замечает Д.Сильверман [2, с.5], отправная точка исследования достаточно неопределенна. Это — «столкновение с непонятным феноменом».

Например, немецкий социолог Р.Михельс [10] столкнулся с тем, что внутренняя структура Социал-демократической партии ФРГ (СДПГ) достаточно жесткая и авторитарная, а ее программа — демократическая и вполне либеральная. Наблюдая дальше, он в конце концов пришел к выводу, что участие в политической борьбе заставляет партию, в том числе СДПГ, принимать бюрократизированные формы организации, иметь штат платных функционеров («аппаратчиков», на нашем языке). К тому же социальная опора левой партии — массы трудящихся, склонные к четкости решений и указаний к действиям. Р.Михельс назвал это «железным законом олигархии» в политических движениях и партиях.

Столкнувшись с непонятным явлением, исследователь обращается к литературе для поиска теоретических объяснений. Д.Сильверман, описав исследование Р.Михельса, приводит пример «кейс-стади» — изучения профсоюза печатников, выполненного позже С.Липсетом в США. Последний усомнился в универсальности «железного закона» Михельса, потому что «наткнулся» на демократическое устройство и демократические же способы деятельности профсоюза печатников. В итоге, он, отталкиваясь от теоретических объяснений своего предшественника, расширил теоретическое толкование этого закона. Он заключил, что организационные формы зависят от общей социальной и политической ситуации в стране. Чем больше демок-

ратические свободы и меньше социальное противоборство, тем вероятнее, что внутриорганизационное устройство социальных движений принимает демократические формы [11].

В исследовании классического типа мы уточняем проблему путем развертывания гипотез, эмпирически проверяемых на большой статистике. В случае использования качественных методов проблема уточняется через осмысление наблюдаемых фактов с разных точек зрения: непонятное явление надо попробовать объяснить «и так и этак», в разных теоретических подходах и, в первую очередь, с точки зрения здравого смысла. Проверять предположения можно, что называется, по ходу исследования. Социолог не гонится за большим объемом статистической информации, но главным образом пытается найти подкрепление своим догадкам в различных вариантах, разнообразить ситуации наблюдения, постановку вопросов в беседах, способы анализа имеющегося материала (например, из прессы), организует «провоцирующий» натуральный эксперимент.

Примером могут служить исследования производственного поведения и «производственной морали» застойных лет, выполненные А.П.Алексеевым [12]. Работая на заводе расточником и активно вовлекаясь во взаимоотношения разных групп работников, он вел включенное наблюдение, которое назвал «провоцирующим». При этом он столкнулся с непонятным фактом. Все нарушают хорошо известные инструкции — рабочие, мастера, инженеры, администраторы. Но мастер «накапливает» материал на рабочих, скажем прогульщикам, и предъявляет лишь тогда, когда по каким-то, не обязательно деловым, соображениям хочет от них освободиться. Высказанные в официальной обстановке эти аргументы (факты нарушений принятых норм) не вызывают возражений. Мастер добивается увольнения.

А.П.Алексеев ищет теоретические объяснения этого феномена в социопсихологических и социологических подходах. Он приходит к выводу, что следует различать установки и ценности, «демонстрируемые», официально поддерживаемые в данной системе отношений, и «регулятивные», реально «управляющие» поведением. Далее, он ставит вопросы, выдвигает гипотезы, которые проверяет наблюдением, в беседах, провоцирующими действиями. Задает, в частности, такой вопрос: насколько среди рабочих приняты ценности инициативы и добросовестности? В массовых обследованиях 1970-х гг. они часто лидировали

в ряду других ценностей, однако в действительности, по наблюдениям Алексеева, они не выполняли регулятивную функцию. Как социолог проверил свою догадку? Если инициативный рабочий (сам Алексеев) приходил к начальнику цеха и прямо предлагал рационализировать операцию, ему отвечали: «Тебе что, больше всех надо?». А если он маскировал свое предложение под вынужденное действие, говоря: «Если мы этого не сделаем, нам попадет», — то оно принималось. Таким путем была проверена гипотеза о регулятивных и демонстрируемых нормах производственных взаимоотношений.

Между прочим, исследование А.П. Алексеева показало тогда, что «добросовестная работа» сохраняет положение «реально регулирующей поведение» ценности, но при условии достаточной свободы самоорганизации работника и справедливой оплаты его труда.

На стадии уточнения проблемы важно специфицировать ее максимально конкретно и в смысле теоретической ориентации (в эксперименте Алексеева — теория социальных установок и поведения), и в смысле конкретной ситуации наблюдения, участия в событиях, определения метода дальнейших действий.

На предыдущей стадии (которую в точном смысле трудно назвать стадией, поскольку весь процесс исследования есть как бы и обнаружение непонятных явлений, и попытка их истолкования в понятиях здравого смысла, теории, и гипотезирование на будущее) надо решить, какую из методических стратегий принять в дальнейшем.

Вот некоторые их типы [2, с.18-25].

«Хронологическая» стратегия — состоящая в том, что социолог много раз возвращается к одним и тем же респондентам, на те же объекты, старается уловить изменения, сдвиги. Это не массовые повторные исследования («панель»), но именно «кейс-стади», т.е. проводимые неоднократно наблюдения отдельных явлений, случаев, групп людей, сообществ. Идея такой стратегии была развита Чикагской школой главным образом при изучении динамики социального статуса. В наше время при быстрых социально-экономических изменениях человек переосмысливает свою социальную идентификацию, т.е. свое общественное положение и взаимосвязи в социуме. Он начинает идентифицировать себя со своим народом (этнической группой), социальным движением, определенным кругом по имущественному состоянию и т.д. Возвращение к избранной для ин-

тервью группе респондентов относительно их социальной идентификации поможет лучше понять современные общественные процессы.

Среди вопросов интервью могут быть, например, такие:

— С кем, с какой группой людей Вы чаще всего соотносите свои интересы, суждения?

— Какие группы людей, по Вашему мнению, живут теми же проблемами, что и Вы?

Ответы, варианты которых заранее не предусматриваются, а записываются интервьюером, бывают самого разного содержания. Респонденты могут говорить, что чувствуют наибольшую близость с теми, кто «не пользуется привилегиями», испытывает трудности в поисках нужных товаров; «как и я честно работает, а не спекулирует»; с «моим народом», «людьми моей национальности и культуры»; товарищами по работе; со своими близкими, родственниками; с теми, «кто борется за перестройку»; со сторонниками какого-то общественного движения.

Возвращаясь к тем же респондентам через некоторое время, исследователь выясняет, насколько устойчива их социальная идентификация, в каком направлении она изменяется, каковы общие тенденции этих изменений. Накапливаются более четко формулируемые гипотезы, которые можно проверить на больших выборках населения. Для этого предлагается набор высказанных суждений и проводится массовый опрос.

Другой тип стратегии — *исследования «дна» и «элиты» общества*: бродяг, наркоманов, алкоголиков — с одной стороны, преуспевающих бизнесменов, ученых и высших администраторов — с другой. Такой подход помогает лучше видеть контрасты социальных отношений, глубже понять проблемы обыденной жизни «простого» человека.

ИС РАН имеет немалый опыт проведения подобных наблюдений. Изучение наркоманов, алкоголиков, проституток позволяет не только искать решения проблем, связанных с девиантным поведением, но улавливать сдвиги в нравственном сознании общества в целом. В частности, было установлено, что в 1970-е годы проститутки воспринимали свое положение как унижительное, свое ремесло — как презираемое, «грязное». Сегодня занимающиеся проституцией находят нравственное оправдание в том, что продают свой «товар» подобно, например, кооператорам. Проверка этого предположения в массовых опросах убеждает, что и в общественном сознании идет процесс ли-

берализации взглядов на проституцию как отношения рыночного типа (исследовательский проект С.И. Голода).

«Кейс-стади» в смешанных советско-зарубежных предприятиях, интервью с их высшим административным руководством и другими работниками управления (1989 г.) привел к выводу о зарождении компрадорской верхушки в нашей политико-экономической системе. Обнаруживаются прямые связи между высшей администрацией таких предприятий и ответственными работниками министерств, спекулятивный характер деятельности предприятий.

Стратегия «нежестких предположений» и объяснений — состоящая в рассмотрении одного и того же явления с разных точек зрения. Это позволяет лучше понять существо проблемы, поскольку ни одно из «очевидных» и прямых толкований в действительности не может быть исчерпывающим. Логика такой стратегии вполне ясна. При использовании формальных количественных методов для проверки множества объяснений данного явления требуется большая статистика и тонкие статистические операции, в то время как при качественном анализе мы свободны от необходимости искать этим объяснениям строгие, статистически достоверные, подтверждения. Можно развернуть целую систему правдоподобных гипотез и дальше их опровергать или подтверждать в повторяющихся, но статистически не надежных доказательствах.

Почему, скажем, демократизация, гласность, хозяйственная самостоятельность регионов вызвала столь бурные межнациональные конфликты? Можно привести немало объяснений, каждое из которых правдоподобно, но не охватывает явление в его целостности. Вот некоторые из них: (а) наша бедность ведет к межнациональным конфликтам в борьбе за ресурсы, на которые претендуют этно-национальные общности (таким было одно из толкований событий в Нагорном Карабахе); (б) правда о прошлой истории народов страны возбуждает межнациональную напряженность, так как становятся достоянием общественного мнения те факты, которые ранее тщательно скрывались, например, присоединение республик Прибалтики по секретным договорам между Молотовым и Риббентропом; (в) неравноправное положение больших и малых народов в системе государственного управления вызывает подозрение в ущемлении прав малых народов и т.п. Кроме всего прочего, есть совсем простое объяснение психологического свойства: (г) когда мир становит-

ся неустойчивым, взаимоотношения запутаны, экономика «трепещит по швам», социальные конфликты, преступность (о которой так много пишут и говорят благодаря гласности) нарастают, человек чувствует себя незащищенным; поэтому он обращается в первую очередь к той социальной общности, что исторически и генетически ему ближе, к тем, кто говорит на его языке, у кого общая историческая судьба и общая культура, т.е. начинает идентифицировать себя со своей этно-национальной общностью, которая должна обеспечить и защиту и поддержку.

Такие объяснения, каждое в отдельности, вполне правдоподобны. Ни одно не является исчерпывающим. Это — один из примеров качественного анализа по стратегии «нежестких предположений».

Конечно, и здесь возможны дальнейшие исследования на материалах массовых опросов населения, а параллельно углубление качественного анализа. В последнем случае продолжается разработка нежестких предположений на основе изучения прессы, включенных наблюдений, случайных догадок. Надо максимально расширять «мотивационное поле» с тем, чтобы затем перейти к выявлению логико-психологических взаимосвязей между предполагаемыми мотивами и уже тогда сопоставлять сценарные модели с реальным развитием событий.

Другой пример: гибкое интервью на целевой выборке из 27 человек, проведенное сотрудниками ИС АН СССР в разных регионах страны в 1988 г.. Его задача была определить, насколько люди поддерживают высказываемые тогда в печати и на телевидении требования государственного суда над И. Сталиным. Интервью брали у рабочих, священников, бывших диссидентов, колхозников, инженеров — людей разного возраста и общественного положения. Первый вопрос: «Нужен ли государственный суд над Сталиным?» — дал около 85% утвердительных ответов: «Да, непременно нужен». Ответы на следующий вопрос: «А что будет во время и после суда, для чего нужен суд над И. Сталиным?» — разделились: (а) это будет суд не над И. Сталиным, а над социалистической системой, чего допускать нельзя; (б) это будет суд над системой, а она сама себя не осудит, суд будет несправедлив; (в) те, кто предлагают начать суд над И. Сталиным, вольно или невольно переключают общественное внимание в сторону прошлого, чтобы люди поменьше думали о настоящем, т.е. о товарном дефиците и прочих проблемах повседневности.

В итоге, начав с утверждения о необходимости суда, люди пришли к выводу о его нежелательности или даже общественной опасности. Ничего подобного статистической представительности данных здесь нет, как и нет базы для доказательства статистической надежности вывода о мотивах социальной нежелательности «государственного суда». Получены сугубо содержательные, «качественные» основания для некоторого важного умозаключения. Допустим теперь, что был бы проведен массовый опрос. Его итог, во-первых, был бы прямо противоположным по существу (суд нужен), и, во-вторых, сам факт опроса неминуемо вызвал бы дополнительное социальное напряжение, т.е. включил бы в игру политических сил еще один фактор социального противоборства. Не оценивая собственно политическую сторону этой работы (надо или не надо было обострять политическую ситуацию и каковы были бы следствия из ее обострения для продвижения социальных преобразований в стране), можно уверенно заключить: применение «качественной» стратегии вместо «количественной» (массового опроса) радикально меняет социальный эффект исследования.

Стратегия иронии [4, 13] — подразумевающая, что какое-то явление, факт получает совершенно различное толкование в разных ситуациях, в ином контексте. Именно потому «ирония», что в другой ситуации смысл действия может принципиально измениться. Обсуждая производственные дела на собрании в «застойные» времена и произнося речи, исполненные пафоса официозной нравственности, люди говорили о тех же проблемах в интимной обстановке на совершенно другом языке и в ином смысле. Рассказ А. Яшина «Рычаги» — пример такой метаморфозы. Колхозники до собрания, сидя на лавочке, ругают последними словами начальство и порядки в хозяйстве, а на собрании ведут себя совсем иначе. То же наблюдал А.П. Алексеев при исследовании производственных отношений.

Стратегия «иронии» состоит в том, чтобы одни и те же явления рассматривать в разном социальном контексте, при меняющихся конкретных обстоятельствах, что в массовом исследовании крайне трудно, а при качественном анализе немногих групп или людей — вполне возможно.

И, наконец, еще один тип стратегии — *поддержание контакта с исследуемой общностью*. Характерный пример из нашей практики изучения научно-исследовательских коллективов: после анализа данных и объяснения взаимоотношений в

группе, трудностей и проблем, связанных с научной работой, мы выносим результаты на обсуждение научных групп, где проводилось наблюдение. Комментарии, возражения и подтверждения дают хорошую базу для уточнений или дополнительного обоснования полученных выводов.

Вообще говоря, вариаций гибких подходов может быть множество. И здесь достаточно просторно для изобретательного ума. Например, группа эстонских социологов под руководством Ю. Вооглайда придумала на основе обследований сельских хозяйств разыгрывать настоящий сценарный спектакль с использованием ключевых ситуаций, конфликтов, которые были выявлены в «кейс-стади». Приглашенные на спектакль работники этих хозяйств вступают в дискуссию с «актерами» и между собой, обнаруживаются новые решения практических проблем.

Изначальная неопределенность целевой установки как особенность качественного анализа

В классическом исследовании целевая установка задается прежде всего: либо оно будет теоретико-познавательным, либо теоретико-прикладным, либо прикладным. При «качественной» стратегии подобная целевая ориентация не вполне адекватна. Исследователь начинает с того, что, столкнувшись с непонятным явлением, пытается объяснить его. Почему? Возможно, его не устраивают прежние теоретические объяснения. А может быть, это — область обостренного общественного беспокойства. Или надо найти новую тему для изучения после завершения прежней работы, и тут «подвернулась» подходящая проблема. Не исключено также, что, изучая иной вопрос, он просто наткнулся на что-то интересное.

Значит, в самом начале целевая установка очень туманна. Не вполне ясно, для чего это понадобится и как можно будет использовать данные. Очевидно, что есть проблема и непонятность в наблюдаемом процессе или явлении.

По ходу исследования вопрос об использовании полученного знания проясняется. В зависимости от конкретной ситуации оно может стать основой разработки гипотетической теории. Последняя затем проверяется количественными и, если потребуется, качественными методами. Но можно предъявить ее

научному сообществу именно как гипотетическую теорию. Пусть другие проверяют.

Может быть, исследователь нашел какое-то решение частных проблем, в чем заинтересованы те или иные органы общественного самоуправления. Тогда он предлагает им свое экспертное заключение. Или он нащупал социальную проблему общенационального, высокого гражданского звучания. В этом случае он становится публицистом, обращается к общественному мнению, призывает исследовать проблему в представительном для страны проекте или государственной программе. Кто знает, что выйдет из его исследования?

Качественный анализ предполагает первоначально как бы целостное видение всего объекта, живое его представление. Например, в исследованиях социальных педагогов [14,15] в течение длительного времени осваивался опыт центров образования взрослых (ЦОВ), возникших в середине 1970-х годов на базе вечерних (заочных) школ. Контингент этих школ традиционно формировался из «недоучившихся» в обычной дневной школе. Зигзаги нашей политики в области среднего образования время от времени потрясали вечернюю школу. То она «доучивала» переростков, то становилась частью системы общеобразовательной и профессиональной подготовки, привязанной к определенному производству, в частности промышленному объединению, где давали общеобразовательную и профессиональную подготовку соответствующего профиля. Но вот стали открываться ЦОВ, которые принимали на обучение всех желающих, «и стар и млад», строили курсы обучения в соответствии с интересами контингента, следовательно, общественной потребностью в данном регионе. Появились гибкие формы обучения. Благодаря энтузиазму новаторов возникли дополнительные источники финансирования: от предприятий, местных советов, из средств самих обучающихся.

Длительное время занимаясь ЦОВ, исследователи прежде всего проверяли частные гипотезы о причинах их живучести: расширение состава контингента (иссякали резервы молодых, не имеющих среднего образования, а школа должна была как-то существовать); попытка ответить на общественную потребность в формировании кадров (предприятия стимулировали обучение нужных работников); желание снизить преступность и занять делом безработную молодежь (в некоторых регионах таковой оказалось более чем достаточно, например, в Ферганской

области); стремление дать знания для досуга, дополнительной работы в кооперативном предприятии или индивидуально-трудовом секторе. Множество таких объяснений формировалось из целостного образа ЦОВ и, наконец, стала вырисовываться относительно стройная концепция системы народного образования, отвечающей многочисленным потребностям человеческой личности в демократическом обществе. Эта концепция вполне соответствует общему направлению демократизации системы образования разнообразием форм и методов, источников финансирования, но главное — гибкой, не жесткой системой курсов, занятий, программ, обеспечивающих общественные и индивидуальные потребности.

Представительных данных по этой проблематике не могло быть, поскольку до определенного момента не было ясных гипотез. По мере того, как проблема вырисовывалась на теоретическом и прикладном уровнях, формировалась программа исследования с применением количественных методов, которые, однако, не устраняют, а, напротив, подчеркивают важность качественного подхода. Они содружествуют в развитии упомянутого исследовательского проекта.

Приведенный пример указывает на гибкость всей стратегии качественного анализа и гибких методов исследования. Здесь нет классического массового опроса (какие формы получения общего образования более приемлемы), так как новые формы мало кому известны. Нет убедительных статистик по проверке частных гипотез, так как контингенты учащихся, программы ЦОВ крайне разнородны. Отсутствует стройная теория, которая бы легла в основу исследовательского проекта. Есть просто «странное» явление: какие-то энтузиасты в гг. Ветка и Речица (Беларусь), в Минске, Риге, Новой Одессе и Николаеве, в пос. Печера на БАМе поломали сложившуюся структуру и практику вечерней школы по непонятным для наших академических педагогов причинам и мотивам.

Занимаясь этим непонятным в те годы явлением, исследователи вышли на социальную проблему государственной значимости: какая система образования адекватна демократическому обществу; может, ли она строится на прежних принципах; какую роль играют здесь интересы самой системы и интересы людей, обучающихся в ней? Это — зародыш перестройки общественных отношений, возникший в недрах командно-административной системы. Таким же был колхоз, возглавляемый Н. Ху-

денко, сумевшим в рамках косной административной экономики организовать гибкое производство, основанное на хозяйственном интересе, и добиться выдающихся результатов. Новобирские социологи во главе с Т.И. Заславской активно вступились за новатора, отстаивая его опыт, но безуспешно: он погиб в заключении. Однако не будь таких людей и подобных исследований в нашей социологической практике, мы не были бы интеллектуально подготовлены к начавшейся перестройке.

Следует еще раз подчеркнуть, что гибкие качественные методы существенно дополняют формализованные приемы исследования, а логика качественного анализа вплетается в научную логику жесткого гипотезирования, эксперимента и статистического обоснования надежности полученного знания. В условиях, когда традиционные модели объяснения наблюдаемых событий часто не работают как единственные и достаточные, такой подход исключительно продуктивен [16].

Наконец, и это крайне важно, надо иметь в виду, что интерес к качественным методам в социологии и социопсихологии возник на почве определенного «пресыщения» количественными, жестко формализованными. Жесткие и гибкие методы никоим образом не исключают, но взаимодополняют друг друга. А можно и так сказать: кто не чувствует себя «на коне» в классических методах исследования, тот вряд ли достигнет успеха в использовании гибких приемов. Просто потому, что будет введен в заблуждение их как бы «нетребовательностью» к математико-статистическим и жестко формализованным процедурам, каковые несомненно остаются базисом достоверного научного знания. Правильный подход, следовательно, заключается в том, чтобы разумно использовать разные стратегии исследования и знать пределы разумных допущений в каждом случае.

Литература

1. Батыгин Г.С. Ремесло Пауля Лазарсфельда (Введение в научную биографию) // Вести. АН СССР. 1990. №8.
2. Silverman D. Qualitative Methodology and Sociology. Brookfield, Vermont, 1985.
3. Bertaux D. The Life Story Approach: a Continental View // Ann. Review Sociol. 1984. V.10. p.
4. Qualitative Methodology: Firsthand Involvement with the Social World. Chicago, 1972.
5. Roos I.P., Erikson I. et al. Soft-Data Sociology // Akta Sociologica. 1978. V.21. №2.
6. Bourdieu P. The Genesis of the Concepts of Habitus and Field // Sociocriticism. 1985. V.2.
7. Bourdieu P. The Logic of Practice. Cambridge, 1990.
8. Гилберт Дж., Малкей М. Открывая ящик Пандоры. Социологический анализ высказываний ученых. М.: Прогресс, 1987.
9. Поля Д. Как решать задачу. М.: Учпедгиз, 1961.
10. Michels R. Political Parties. NY, 1962.
11. Lipset S.M., Trow M., Coleman J. Union Democracy. NY, 1962.
12. Алексеев А.П. Познание через действие. Фрагменты экспериментальной социологии. М.: Ин-т социологии РАН (в печати).
13. Garfinkel H. Studies in Ethnomethodology. L., 1972.
14. Лесохина Л., Шадрин Т. Нужны ли центры образования взрослых // Экономика и орг. пром. пр-ва. 1988. №8.
15. Лесохина Л., Шадрин Т. Центры образования взрослых // Социол. исслед. 1989. №2.
16. Новые направления в социологической теории. М.: Прогресс, 1978.